УДК 930.1 (94)
DOI: 10.24411/2311-603X_2021_3_184

В. И. Мажуга

Ученый в исторической памяти. О научном творчестве проф. И. М. Гревса (1860–1941) и его позднейшем восприятии

Имя Ивана Михайловича Гревса ныне широко известно, но более как теоретика и зачинателя краеведческого направления в отечественной исторической и — шире — гуманитарной науке[1]. Однако же следует признать, что это лишь один из аспектов научных разработок и культурологических изысканий Гревса, пусть и составлявший их органическую часть. Едва ли кто станет оспаривать ту тривиальную истину, что масштаб и значение деятельности ученого в немалой мере проверяется временем. Но всегда ли мы учитываем, как меняющиеся общественные запросы влияют на востребованность научного наследия ученого и насколько они адекватны исходному смыслу его научного и философского поиска?

Все, кто обучался на кафедре истории средних веков или хотя бы там бывал, не мог не заметить большой портрет И. М. Гревса в его преклонном возрасте, темный и маловыразительный. Писал этот портрет, впрочем, художник не самый бесталанный, причем человек, выросший и созревший как мастер на глазах самого Гревса. К сожалению, он совершил какой-то промах в выборе материалов, и краски быстро потемнели.

Фотографический портрет И. М. Гревса когда-то можно было видеть и в галерее других портретов выдающихся преподавателей исторического факультета Петербургского университета, которая украшала стены последнего, как подобает высокому образовательному и научному учреждению. Словом, имя

Гревса студентам-историкам было известно. Но, вероятно, понадобилось какое-то особое побуждение со стороны читавшего нам двухлетний курс истории средних веков М. А. Гуковского (1898–1971), чтобы уже к концу первого курса, весной далекого теперь 1967 г., автор этих строк с особым увлечением прочел «Историю римского колоната» Фюстель де Куланжа в переводе, выполненном учениками И. М. Гревса и изданном под его редакцией в 1908 г.[2] М. А. Гуковский сам был учеником И. М. Гревса. Так уже в ту пору наш профессор посеял у студентов-медиевистов зерно научных и общественных интересов, когда-то воодушевлявших Гревса и его учеников.

Идейным кумиром, которому он оставался верен в течение всей жизни, стал для И. М. Гревса выдающийся французский историк Фюстель де Куланж (1830–1889). Гревс не застал его в живых во время первой своей командировки в Париж в 1890/1891 г., но близко познакомился тогда и затем в 1894/1895 учебном году с прямыми продолжателями его научного и педагогического дела. Вслед за Фюстель де Куланжем И. М. Гревс настаивал на определяющем значении римского наследия для дальнейшего общественного и культурного развития Европы. Удивительно, но, работая в этом направлении, он чувствовал себя довольно одиноко в современной ему России, находившейся под преобладающим влиянием немецкой науки с ее особым акцентом на роли германцев в утверждении феодальных порядков и дальнейшего социального и политического развития Европы. Однако же он сумел повести за собой множество учеников, в том числе и выдающихся, получивших высокое признание в своем Отечестве и за рубежом.

Римское наследие Гревс мыслил двояко. Во-первых, как греко-римскую культурную традицию, и, как и его французские предшественники, здесь он не был оригинален. Но саму культуру он мыслил уже в новом, характерном для новейших в его эпоху социологических воззрений, а именно как основу сознания самого широкого круга действующих субъектов истории. Во-вторых, он усматривал прямую преемственность социального развития раннесредневековой Европы по отношению к римским институтам. Разумеется, дело не обходилось без утрирования некоторых положений, например, о превращении римских магнатов в новую средневековую знать. Теперь накоплен достаточный материал, позволяющий наблюдать, как в течение VII столетия совершалось вытеснение, к примеру, галло-римских аристократических родов из сферы церковного управления и из ближайшего окружения франкского короля. Но незыблемым представляется факт перехода именно римской системы землевладения в руки новой франкской знати и скорое его сосредоточение под властью вновь основанных крупных монастырей, а далее развития на его основе оригинального кельтского по своим корням института вассалитета. Этой темой Гревс не переставал заниматься в течение всей своей жизни. Можно только пожалеть, что в условиях бурных общественных движений России начала XX в. и последовавшего утверждения обновленной марксистской догматики с ее нелепой

теорией революции рабов эта сторона научного творчества Гревса не получила настоящего продолжения в работах его учеников, если не считать упомянутого их отражения в лекционном курсе М. А. Гуковского

Тонкий душевный строй профессора-учителя позволял ему погружаться в глубины религиозно-философских и нравственных поисков лучших умов поздней античности и средневековья, и тут И. М. Гревс находил в Петербургском университете и на Бестужевских курсах благодарную аудиторию, которую подкупал и его трезвый взгляд на духовную историю как часть реальной жизни в историческом и природном окружении. Выражение культурной жизни эпохи Гревс находил в образе города как целостного организма, пусть и переживающего драматические внутренние коллизии, так красочно описанные, к примеру, в его небольшой книге «Кровавая свадьба Буондельмонте»[3]. Особое внимание к строю городской жизни во всей его полноте, особенно в периоды подъема и культурного расцвета, ярко проявилось в том, как для раскрытия исторических воззрений Тацита он счел необходимым подробно описать жизнь города Рима эпохи Тацита, а равно и в том, как он подходил к раскрытию творчества Данте, поэта и политического мыслителя. Из теории урбанизма вытекали и политический либерализм Гревса, и его позднейшее увлечение краеведением.

Не случайно важное место в европейской науке именно в качестве историка средневекового города занял такой непосредственный ученик Гревса, как Николай Петрович Оттокар (1884–1951). Замечательный историк-антиковед, тонкий знаток греческой и латинской патристики М. Е. Сергеенко (1891–1987) порою со вздохом говорила, как недостает ей общества таких людей, как И. М. Гревс, который мог бы, к примеру, досконально объяснить сложные моменты философско-религиозной доктрины бл. Августина. Но можно предполагать, что и замысел важнейшей из книг М. Е. Сергеенко «Жизнь древнего Рима»[4] навеян ей былым общением с Гревсом. Л. П. Карсавин (1882–1952), другой выдающийся ученик Гревса и близкий друг Оттокара, выступил с новаторскими и одновременно фундаментальными трудами по истории средневековой религиозности, докторская диссертация которого[5], однако, вызвала у И. М. Гревса определенную настороженность и побудила его призвать бывшего подопечного к большей сдержанности и взвешенности оценок. Как бы то ни было, яркий талант Карсавина заставил несколько померкнуть ореол личности Гревса в глазах такого начинавшего тогда свой путь историка, как Е. Ч. Скржинская (1894–1981). Но именно ее Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская, никогда не переставшая высоко чтить дарования и заслуги своего учителя, Гревса, направила к нему для записи его рассказа о своей творческой биографии[6], и не случайно Е. Ч. не переставала с редким воодушевлением говорить о Петербурге как лучшем городе России, как «сверхстолице», где есть нечто, чего недостает Москве.

Известно, что октябрьские события 1917 г., последовавшая за ними Гражданская война в России и общая разруха надолго погрузили Гревса в состояние

униженности и подавленности, из которого он искал выхода в увлекавших его литературоведческих трудах, дававших ему надежду хотя бы на самый скромный заработок, а наряду с ними и в краеведческой работе, которой он отдавался со всей силой своего исключительного таланта. Но когда в 1934 г. было восстановлено полноценное преподавание гражданской истории в Ленинградском университете, он взялся за дело, как в былые времена, с той строгостью и настойчивостью, которая ныне может лишь вызвать изумление у начинающих исследователей-историков. По счастью, его первыми учениками из нового поколения были аспиранты, уже окончившие Ленинградский институт философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ, действовал на базе университета с 1931 по 1937 г.), где они успевали получить основательную лингвистическую выучку. Так вот, по рассказам В. В. Штокмар (1914–1984), каждый участник семинара у И. М. Гревса должен был еженедельно представлять реферат по двум иностранным монографиям. В глазах младших ее современников В. В. Штокмар являла собой образец трудолюбия и доскональности в подходе к любому делу, но и она признавалась, что заниматься у Ивана Михайловича для нее было нелегко.

25 апреля 1985 г. в Ленинградском отделении Института истории СССР (ныне СПбИИ РАН) было устроено торжественное заседание, посвященное 125-летию со дня рождения И. М. Гревса. К тому времени уже ушли из жизни М. А. Гуковский, Е. Ч. Скржинская и В. В. Штокмар, ослабела после незадолго до того перенесенной инфекционной пневмонии М. Е. Сергеенко, которой шел уже 94-й год, но еще активно действовала другая старейшая представительница школы Гревса — О. Б. Враская (1905–1985), был полон сил В. И. Рутенбург (1911–1988), в свое время занимавшийся в семинарах Гревса, посвященных истории римского поместья в позднеантичной Африке, флорентийской хронике XIII–XIV вв. Дино Компаньи, личности и творчеству Абеляра. В мемориальной части заседания О. Б. Враская, в частности, отметила, что «метод, темы Ивана Михайловича пронизывают работы всех значительных его учеников». Эти слова можно с полным правом отнести и к В. И. Рутенбургу. Его младшим коллегам памятна работа над коллективным трудом, задуманным В. И. Рутенбургом, «Городская культура (Средневековье и начало Нового времени)»[7].

Отметим, что в ту пору сохранялся целостный образ И. М. Гревса-профессора без какого-либо перекоса в сторону краеведения, хотя и не было того широкого признания его заслуг, которое мы наблюдаем в настоящее время. Но в городе, где некогда разворачивалась научно-преподавательская деятельность Гревса, историки-медиевисты делали все, что было в их силах, для сохранения памяти о нем и для популяризации его творческого наследия. Программа упомянутого заседания получилась скромной, но вместе с тем отражавшей размах творчества Гревса, ее тема была определена как «Наследие Рима в Средние века и жизнь итальянского города XIII–XIV вв.».

Сразу после заседания началась работа по подготовке более широкого по составу сборника статей «Культура и общество от античности до начала эпохи Возрождения», посвященного И. М. Гревсу и главному продолжателю его учебной и научной деятельности в университете — М. А. Гуковскому. Ответственным редактором сборника охотно согласился стать член-корр. АН В. И. Рутенбург.

Идею сборника поддержали академики Д. С. Лихачев и особенно горячо Б. Б. Пиотровский, хорошо помнивший И. М. Гревса по его работе библиотекарем в Государственной академии истории материальной культуры в конце двадцатых годов. Так, В. И. Рутенбург представил Б. Б. Питровскому автора этих строк со всеми сопроводительными материалами к сборнику во время одного из собраний в Доме ученых на Дворцовой набережной. Состоявшуюся беседу академик Пиотровский подытожил словами: «В своей жизни я знал Людей!» Тем не менее заявка на публикацию надолго осталась без движения где-то в недрах Научного совета по мировой культуре, и работа над сборником приостановилась, как оказалось, навсегда.

Почти забытой оставалась и могила И. М. Гревса — научное сообщество не обладало уже ее координатами. Однако позднее нам удалось установить, что за могилой до своей кончины в 1955 г. ухаживала Т. Б. Лозинская (урожденная Шапирова), преданная ученица Гревса, а затем до начала 1990-х гг. ее дочь, Н. М. Лозинская, жена Н. А. Толстого и невестка писателя Алексея Николаевича Толстого (скончалась в 1994 г.). Ныне нашлись средства и новые силы для благоустройства могилы И. М. Гревса, и тут мы уже должны выразить свою особую признательность современным краеведам и нашим коллегам из Санкт-Петербургского государственного университета.

Силами университета в помещении его музея 29 ноября 2005 г. было устроено большое заседание, посвященное памяти И. М. Гревса. Заседание открыла ректор университета проф. Л. А. Вербицкая. Из докладчиков первым взял слово С. О. Шмидт, председатель Союза краеведов России. Преимущественно краеведческой тематике были посвящены и следующие доклады, составившие довольно насыщенную программу заседания.

Пять лет спустя, 27 октября 2010 г., столь же значительную конференцию, посвященную 150-летию со дня рождения И. М. Гревса, организовал в Аничковом дворце ведущий петербургский краевед А. В. Кобак при активном участии Б. С. Кагановича (1952–2021). В объявлении о конференции, помещенном в Интернете, было особо отмечено, что ее участники смогут посетить могилу Гревса, которая «к юбилею ученого... приведена в порядок»[8].

[1] Публикуемый очерк основан на материалах доклада, прочитанного по случаю 160-летия со дня рождения И. М. Гревса в Санкт-Петербургском институте истории РАН. Автор предлагает свой взгляд на значение научных идей основоположника петербургской школы медиевистов и их восприятие новыми поколениями историков, который сложился не

столько в результате специальных исследований, сколько в результате общения с учениками Гревса, как и исследователями его научного творчества и профессорской деятельности. О доминирующем взгляде на Гревса как краеведа можно говорить, разумеется, лишь с известной долей условности. Такой крупной фигуре в истории отечественной науки и культуры, как И. М. Гревс, посвящены обстоятельные и превосходно написанные труды. Укажем лишь на некоторые из них:
Каганович Б. С. 1) И. М. Гревс — историк средневековой городской культуры // Городская культура. Средневековье и начало нового времени. Л.: Наука, 1986. С. 216–235; 2) Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И. М. Гревса // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) / Под ред. В. И. Рутенбурга и И. П. Медведева. Л., 1990. С. 198–216; *Фролов Э. Д.* Из истории социально-экономического направления в русском антиковедении: римская аграрная история в трактовке И. М. Гревса // Петербургские исследования / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. СПб., 2006. С. 33–51; *Бамбизова К. В.* Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса, основоположника Петербургской школы медиевистики: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008.

[2] *Фюстель де Куланж Н.-Д.* Римский колонат / Пер. с фр. под ред. проф. И. М. Гревса. СПб., 1908.

[3] *Гревс И. И.* Кровавая свадьба Буондельмонте: жизнь итальянского города в XIII веке. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925.

[4] *Сергеенко М. Е.* Жизнь древнего Рима: Очерки быта. М.; Л.: Наука, 1964.

[5] *Карсавин Л. П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках преимущественно в Италии. Пг., 1915.

[6] *Скржинская Е. Ч.* Иван Михайлович Гревс (Биографический очерк) // Гревс И. М. Тацит. М.; Л., 1946. С. 223–246.

[7] Городская культура. Средневековье и начало Нового времени / Под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1986.

[8] http://mirpeterburga.ru/news/grevs/

References

BAMBIZOVA K. V. *Istoricheskaya kontseptsiya Ivana Mikhailovicha Grevsa, osnovopolozhnika Peterburgskoi shkoly medievistiki.* Dissertatsiya. Tomsk, 2008.

FROLOV E. D. *Iz istorii sotsialno-ekonomicheskogo napravleniya v russkom antikovedenii: rimskaya agrarnaya istoriya v traktovke I. M. Grevsa* // Peterburgskie issledovaniya / Otv. red. Yu. V. Krivosheev. St. Petersburg, 2006. P. 33–51.

FUSTEL DE COULANGES N.-D. Rimskij kolonat / Perevod pod red. prof. I. M. Grevsa. St. Petersburg, 1908.

Gorodskaya kultura. Srednevekov'e i nachalo Novogo vremeni / Pod red. V. I. Rutenburga. Leningrad, 1986.

GREVS I. I. *Krovavaya svad'ba Buondelmonte: zhizn' italyanskogo goroda v XIII veke.* Leningrad: Brokgauz-Efron, 1925.

KAGANOVICH B. S. Vokrug "Ocherkov iz istorii rimskogo zemlevladeniya" I. M. Grevsa // Politicheskie struktury epokhi feodalizma v Zapadnoi Evrope (VI–XVII vv.) / Pod red. V. I. Rutenburga i I. P. Medvedeva. Leningrad, 1990. P. 198–216.

KARSAVIN L. P. Osnovy srednevekovoi religioznosti v XII–XIII vekakh preimushchestvenno v Italii. Petrograd, 1915.

SERGEENKO M. E. *Zhizn' drevnego Rima: Ocherki byta.* Moscow; Leningrad: Nauka, 1964.

SKRZHINSKAYA E. CH. *Ivan Mikhailovich Grevs (Biograficheskij ocherk)* // Grevs I. M. Tatsit. Moscow; Leningrad, 1946. P. 223–246.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. И. Мажуга. Ученый в исторической памяти. О научном творчестве проф. И. М. Гревса (1860–1941) и его позднейшем восприятии // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3. С. 184–190

Аннотация: В отличие от преобладающего в современной русской науке взгляда на значение творческой деятельности И. М. Гревса как одного из основоположников краеведения в России, И. М. Гревс представлен в статье как историк Европы, утверждавший в современной ему России новый подход к европейской истории, где эволюция европейского общества рассматривалась в рамках общей культурной истории и где ведущая роль отводилась романским народам как наследникам античной культуры. В статье использованы материалы личного архива автора и записи бесед с учениками и сотрудниками И. М. Гревса.

Ключевые слова: античная культура, средневековое общество, романские народы, жизнь города, исторические семинары.

FOR CITATION

Vladimir I. Mazhuga. The scholar in historical memory. About the scholarly works of Prof. I. M. Greves (1860–1941) and their late perception // Petersburg historical journal, no. 3, 2021, pp. 184–190

Abstract: Contrary to the prevailing view in modern Russian science on Ivan Mikhailovich Greves as an outstanding founder of local studies in Russia, the author treats I. M. Greves as a historian of Europe, who had affirmed in Russia a new approach to the study of European history, where the evolution of European society was considered within the framework of the general cultural history and where the leading role was given to the Roman peoples as heirs of ancient culture. The author uses the materials of his personal archive, as well as the memories of the former students and younger colleagues of I. M. Greves, which author had in the past recorded.

Key words: Ancient culture, medieval society, the Roman-speaking peoples, urban life, historical seminars.

Автор: **Мажуга, Владимир Иванович** — к. и. н., ведущий научный сотрудник СПбИИ РАН.

Author: **Mazhuga, Vladimir I.** — PhD, Leading research fellow at the Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: vladimirmazhuga@gmail.com

УДК 94(47)«19»(092)
DOI: 10.24411/2311-603X_2021_3_191

А. В. Востриков, Е. З. Панченко

Историк Мария Андреевна Островская

16 марта 1914 г. в С.-Петербургском университете состоялась защита магистерской диссертации М. А. Островской «Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках». Диспут прошел успешно, и Островская стала первой женщиной-магистром русской истории, а осенью того же года — первой женщиной-преподавателем С.-Петербургского университета. Однако ни это двойное первенство, которое приветствовали современники и потом неоднократно отмечали авторы работ по истории женского образования, ни принадлежность к знаменитой семье не спасли имя М. А. Островской как человека и как историка от забвения[1]. Не установлена дата ее смерти, до самого недавнего времени не было известно ни одного ее изображения. Эта статья — попытка восстановить справедливость и собрать факты ее личной и научной биографии.

Мария Андреевна Островская родилась в Казани 26 февраля 1884 г.[2] Ее отец, Андрей Николаевич Островский[3] (1845–1906), был младшим единокровным братом драматурга Александра Николаевича Островского. После окончания Московского университета (1866) со степенью кандидата естественных и юридических наук он занимался юридической практикой в Казани, служил на земских должностях; в 1896 г. занял место в Крестьянском поземельном и Дворянском земельном банке и «быстро, благодаря своему недюжинному уму и специальным познаниям в области сельского хозяйства и аграрного вопроса, стал одним из видных деятелей»[4]; в 1904 г. был назначен членом центрального правления банка в Петербурге; умер 3 февраля 1906 г.[5]

Мария Андреевна Островская. Середина 1900-х гг. (?). С.-Петербург. Фотоателье С.И. Савицкого. Фотография из архива Е.П. Казанович. ОР РНБ. Ф. 326. № 401. Л. 1

А.Н. Островский был разносторонне образованным человеком с широким кругом интересов. Еще в студенческие годы он составил описание флоры Костромского края[6]. Его собрание книг и рукописей отражало его интерес к истории, этнографии, русской литературе и книгопечатанию и было одним из лучших в Казани (Н.П. Лихачев в этой области считал его своим учителем)[7]. Он активно участвовал в деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, был избран его почетным членом[8]; в «Известиях» Общества опубликовал «Духовную» В.Н. Татищева по имевшемуся в его собрании списку[9]. Много лет А.Н. Островский занимался историей колонизации среднего Поволжья и Прикамья. После смерти отца М.А. Островская передала черновики и рабочие материалы его незаконченной работы в Академию наук[10]; тогда же через посредство А.А. Шахматова она пожертвовала Академии и собрание исторических документов[11].

В 1878 г. А.Н. Островский женился на вдове Наталье Александровне Грибовской (урожд. Татариновой; 1840–1910); в браке родилось трое детей: Дмитрий (1881), Мария (1884) и Андрей (1885). Получившая хорошее образование Н.А. Островская (в юности ее домашними учителями литературы были Н.А. Добролюбов и будущий министр М.Н. Островский[12]) писала повести и романы, переводила; с 1880-х гг. она работала над воспоминаниями, в которых, в частности, рассказывала о том широком круге общественных деятелей и писателей, с которыми ей довелось познакомиться в родительской семье и в доме первого мужа. Среди ее героев были братья Островские (Александр и Михаил Николаевичи), Н.А. Добролюбов, И.С. Тургенев, А.Ф. Писемский и еще целый ряд известных лиц; к сожалению, мемуары не были закончены[13].

Таким образом, М.А. Островская выросла в семье с богатыми гуманитарными традициями и обширными культурными связями. По свидетельству одной из ее ближайших подруг Е.П. Казанович[14], она знала и любила классическую литературу, интересовалась новинками[15]. В домашней библиотеке под руководством отца она имела возможность получить первые навыки работы с историческими документами и исследованиями. Впоследствии область ее научных интересов оказалась близка интересам отца.

Весной 1901 г. М. А. Островская окончила Казанскую женскую гимназию и в том же году поступила на историко-филологический факультет С.-Петербургских Высших женских курсов. Основанные в 1878 г. Бестужевские курсы (неофициальное, но общепринятое название по имени первого директора — историка К. Н. Бестужева-Рюмина; далее: ВЖК) за два с лишним десятилетия развились в самое авторитетное женское высшее учебное заведение России, с собственным зданием на 10-й линии Васильевского острова, с учебными планами и программами, приближенными к университетскому курсу; в повседневной речи курсы нередко называли «женским университетом»[16]. Существенную часть преподавательского корпуса составляли профессора и приват-доценты университета. М. А. Островская слушала лекции и занималась в семинариях у таких выдающихся ученых, как философы А. И. Введенский и И. И. Лапшин, филологи И. А. Шляпкин, В. В. Сиповский и С. К. Булич, историки М. И. Ростовцев, И. М. Гревс, Э. Д. Гримм, Б. М. Мелиоранский, А. В. Прахов и др. Лекции по русской истории для всех четырех курсов читал С. Ф. Платонов, он же, начиная со 2-го курса, вел практические занятия[17]. В январе 1905 г. все высшие учебные заведения были закрыты; занятия возобновились в сентябре, но через месяц снова были прекращены — до конца учебного года. Слушательницам 4-го курса была предоставлена возможность готовиться к выпускным экзаменам, договариваясь о консультациях с профессорами частным порядком. Весной 1906 г. ВЖК окончили 66 слушательниц (поступили в 1901 г. 450). Среди них была и М. А. Островская.

Вероятно, еще будучи слушательницей (особенно во время закрытия курсов), Островская стала посещать архивы и рукописные отделения петербургских библиотек для самостоятельных занятий; после окончания курсов, поскольку материальное положение семьи позволяло не искать заработка, занятия в архивах стали систематическими. Очень рано проявилась ее склонность к археографии: важнее всего для нее было выявить интересный документ, описать его и ввести в научный оборот. Среди ученых, оказывавших ей помощь в архивах или же помогавших советами в анализе конкретных документов, были лучшие петербургские историки и археографы: В. Г. Дружинин, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. П. Лихачев, В. В. Майков, В. И. Срезневский, А. А. Шахматов, И. А. Шляпкин и др.; со временем к ним добавились М. М. Богословский в Москве, М. П. и Н. М. Петровские в Казани, И. М. Сибирцев в Архангельске, А. А. Спицын в Вятке[18]. Кроме того, она бывала на домашних собраниях у В. И. Семевского и А. С. Пругавина, круг гостей которых не ограничивался учеными и литераторами. В дневнике Е. Н. Казанович, также посещавшей Пругавина, описаны знакомства с многочисленными «духовными искателями» (сектантами, толстовцами и пр.), а также историками революционного движения и старыми революционерами (например, Н. В. Чайковским и Г. А. Лопатиным)[19].

Первая печатная работа М. А. Островской[20] носила сугубо обзорный характер: «Описание документов, поступивших в Археографическую комиссию

из Вятской казенной палаты» (№ 1; 1907)[21]. В течение последующих лет в различных специальных периодических изданиях С.-Петербурга, Москвы, Архангельска, Казани Островская опубликовала ряд работ, основанных на архивных материалах и касавшихся преимущественно истории русского крестьянства северных областей (№ 2–11). По приглашению В. И. Семевского были написаны две рецензии для журнала «Голос минувшего» (№ 15, 20). М. А. Островская стала членом Исторического общества при С.-Петербургском университете, активно участвовала в обсуждениях и сама выступала с рефератами и сообщениями: «Половники Коряжемского монастыря по их порядным» (23 января 1908 г.), «О нескольких документах из истории русского крестьянства» (17 декабря 1908 г.), «О новых данных, извлеченных из писцовых книг времен Бориса Годунова и В. И. Шуйского относительно препятствий к переходу и переводу крестьян» (27 января 1910 г.), «Из жизни новгородского посада в XVII в.» (14 декабря 1911 г.), «Несколько документов, характеризующих положение северных бобылей и захребетников на черных волостных землях» (14 декабря 1911 г.), «О "Поморских видениях в 1611–1613 гг."» (22 января 1914 г.), «О статьях проф. Верховского "Затейка верховников в чине молебна" и Барсова "Николаевский Девичий монастырь в гор. Чебоксарах"» (22 января 1914 г.)[22].

Однако и чисто архивная, и журнальная работа казались для Островской слишком узкими: она мечтала о магистерской степени и преподавательской кафедре. Осуществить эту мечту не позволяли действовавшие на тот момент законы и подзаконные акты, и потребовались годы борьбы, чтобы добиться поставленной цели. В 1912 г., когда борьба еще не была окончена, Е. П. Казанович записала в дневнике: «Я так мало пишу здесь об ней и об ее делах, что можно подумать, что меня они мало затрагивают. Как раз наоборот, но это такой большой вопрос, что мне не хватает сил за него взяться. В высшей степени любопытны все перипетии, кот[орые] ей пришлось перенести со всех сторон, прежде чем дожить до сегодняшнего дня»[23]. Подробное восстановление всех перипетий борьбы М. А. Островской за магистерство имело бы большое значение для истории женского образования, однако по объему выходит за рамки настоящей статьи. Укажем основные этапы. 1906 г., весна: окончание учебы на ВЖК. 1907 г., февраль: подано прошение декану историко-филологического факультета С.-Петербургского университета о допущении к сдаче магистерского экзамена; ответ — отказ в связи с отсутствием ходатайства от ВЖК[24]. 1907, март: историко-филологический факультет ВЖК рассмотрел вопрос о ходатайстве перед университетом о допущении М. А. Островской к магистерским экзаменам; ответ — отказ[25]. 1908, февраль: подано прошение министру народного просвещения о допущении к магистерским экзаменам; ответ — отказ, в связи с отсутствием диплома об окончании университета. В виде исключения М. А. Островской разрешено держать экзамены перед государственной испытательной комиссией по полному университетскому курсу[26]. 1909, весна: успешно сданы экзамены по университетскому курсу и получено разрешение

готовиться к магистерским экзаменам[27]. 1910, весна: успешно сданы магистерские экзамены при университете[28]. 1911, февраль: подано прошение декану историко-филологического факультета университета о допущении к чтению пробных лекций и соисканию звания приват-доцента[29]; прошение передано ректору, от него — попечителю учебного округа; ответ — отказ в связи с противоречием действующему законодательству[30]. 1911, декабрь: на ВЖК рассмотрено заявление о приеме в штат преподавателей; ответ — отказ[31]. 1912, февраль: повторное прошение о допущении к чтению пробных лекций и написанию диссертации в связи с утверждением правил «Об испытаниях лиц женского пола... и о порядке приобретения ими ученых степеней» (19 декабря 1911 г.)[32]; ответ удовлетворительный[33]. 1912, 17 марта: прочитаны пробные лекции в университете[34]. 1913: написана и отпечатана диссертация. 1914, 16 марта: состоялась защита диссертации; в тот же день факультет присвоил М. А. Островской степень магистра русской истории[35]. 1914, октябрь: М. А. Островская принята в штат преподавателей университета[36].

Таким образом, магистерская эпопея (от окончания курсов до защиты) заняла почти 8 лет; срок сам по себе не исключительный, но, в отличие от универсантов, основное время Островская потратила не на научную подготовку, а на хождение по инстанциям, сопровождавшееся длительными, иногда унизительными переговорами и объяснениями. Не забудем и про материальную сторону дела: Островская не имела статуса оставленной при курсах или прикомандированной к университету, не получала стипендии и диссертацию издавала на свой счет (подавляющее большинство соискателей-мужчин печатали диссертации в университетских «Записках»)[37].

Бюрократическая волокита, впрочем, была не единственной и даже не главной проблемой. Гораздо важнее было отсутствие научного руководителя. Островская, конечно, была ученицей Платонова, о чем неоднократно говорила, в том числе и ему самому: «<...> я Вашей школы; я, конечно, не знаю, насколько я воспользуюсь этой школой: это зависит от того, какие в конце концов у меня окажутся способности, но влияние на меня Вы имели очень большое. Под Вашим влиянием я разбиралась в целом ряде вопросов и получила представление о складе и духе учреждений и вообще жизни Московского государства и пр., и Ваш метод, насколько я могла его уловить из Ваших практических занятий, лекций и произведений, я приняла к сведению»[38]. Однако непосредственного руководства не было. С. Ф. Платонов, ставший с 1903 г. директором Женского педагогического института, вынужден был сократить работу с учениками на ВЖК и в университете. Дело дошло до того, что «в 1903–1904 учебном году профессор Платонов ограничивался чтением общего курса, а практическими занятиями не руководил»; слушательницы занимались по библиографическим «указаниям» профессора, а затем читали рефераты друг другу[39]. Во время закрытия университета и ВЖК в 1905 г. занятий со слушательницами также не было. В глазах Платонова Островская ничем не выделялась из общей массы

слушательниц, и ее просьба об индивидуальном руководстве в написании магистерской диссертации была встречена отказом. Полные драматизма взаимоотношения Островской с Платоновым можно проследить по ее письмам. Мотивы Платонова вполне понятны. В то время он не питал никакой личной симпатии к Островской; более того, ее настойчивые просьбы о руководстве, о конкретной формулировке отказа, неоднократные предложения встретиться для личного объяснения вызывали у него нарастающее раздражение. Кроме того, Платонов сомневался в научном уровне выпускниц ВЖК в целом[40]. В письме к Ф. Ф. Зелинскому, исполнявшему обязанности декана историко-филологического факультета ВЖК, он так объяснял свою позицию: «Островскую я знаю мало; хотя и ничего не имею против нее, но соверш[енно] не могу судить, может ли она с достоинством выдержать экзамен на магистра. Оценка же той общей научной подготовки, которую дают ВЖК, зависит, конечно, от Ф[акульте]та, а не от меня. Поэтому я и счел себя в возможности уклониться от подачи своего голоса в данном деле»[41]. Ссылки Платонова на то, что он плохо знаком с интересующей Островскую проблематикой (на первом этапе, впрочем, не вполне определенной), были оценены ею как отговорки. Дело доходило, вероятно, до достаточно резких выражений[42].

Независимая по характеру, Островская обычно рассчитывала только на себя. Нами не найдено примеров, когда бы она пыталась использовать авторитет или связи родителей; даже с другом своего отца Н. П. Лихачевым она поддерживала почтительное знакомство на расстоянии[43]. И в данном случае она не столько просила о помощи, сколько настаивала, чтобы тот путь, который она для себя избрала, ей оставили открытым. Ситуация для Островской была патовой: без наличия научного руководителя написание магистерской диссертации было невозможно ни в содержательном[44], ни в формальном отношении, и так же невозможно было найти руководителя без содействия Платонова[45]. Выход нашелся только после 1910 г.

Александра Яковлевна Ефименко (1848–1918) заслужила к началу XX в. репутацию серьезного исследователя, специалиста в области истории севернорусского и малороссийского крестьянства[46]. С 1870-х гг. А. Я. Ефименко вместе с мужем, также историком, этнографом и фольклористом, П. С. Ефименко (1835–1908) и детьми жила в Харькове. В 1907 г. семья переехала в Петербург. П. С. Ефименко тяжело болел и не мог работать, и по рекомендации С. Ф. Платонова, связанного с семьей давними дружескими отношениями, А. Я. Ефименко была принята на ВЖК преподавателем для ведения практических занятий[47]. Однако это не дало достаточного материального обеспечения и, очевидно, не соответствовало ее квалификации историка. В 1910 г., опять не без участия Платонова, Харьковский университет присвоил А. Я. Ефименко степень доктора русской истории honoris causa[48], и уже осенью она была избрана профессором ВЖК. Вскоре она стала научным руководителем М. А. Островской. Взгляды Ефименко были Островской близки: в предисловии к диссертации

ее труды названы первыми в числе важнейших исследований по истории крестьянства[49]. Еще важнее оказался многолетний научный и литературный опыт Ефименко и ее личные качества, в первую очередь отсутствие назидательности и менторства. Впоследствии Островская тепло вспоминала «незабвенную А. Я. Ефименко со свойственными ей научным талантом и блеском литературного изложения»[50].

Отвечая после защиты на вопрос репортера, много ли времени заняла подготовка диссертации, Островская сказала: «Года два, но должна оговориться, что работу мою сильно задержали архивные изыскания»[51]. Именно эта «задержка» определила главное достоинство исследования — основательную архивную базу; документы, выявленные самой Островской в архивах[52], были дополнены уже известными по работам других авторов (в том числе — А. Я. Ефименко). Достаточно разнородный материал удалось объединить в цельную монографию с последовательным развитием исследовательского сюжета. Разнородность материала, выходящего отчасти даже за пределы специальности (не случайно, что неофициальными оппонентами впоследствии выступили специалисты по истории права и политической экономии А. А. Кауфман и А. С. Раевский), была отмечена и как главный недостаток. Однако в целом труд М. А. Островской заслужил высокую оценку официальных оппонентов С. Ф. Платонова и А. Е. Преснякова; Платонов особо отметил «богатство привлеченного научного материала», «самостоятельность наблюдений» и «свежесть частных выводов»[53]. В 1915 г. эта оценка была подтверждена комитетом по присуждению Ахматовской премии Академии наук, отметившим книгу Островской почетным отзывом[54]. В отзыве на труд Островской А. Е. Пресняков отмечал, что он согрет «подлинной преданностью делу изучения родной старины» и ставит значительное количество «научных вопросов существенной важности»[55].

Для многих собственно научные достоинства работы Островской отодвигались на второй план самим фактом того, что это была первая магистерская диссертация, представленная к защите женщиной-историком; то обстоятельство, что в качестве руководителя выступала первая женщина-доктор русской истории, как бы подчеркивало преемственность «женской линии» в науке. 16 марта 1914 г. в актовый зал университета собралась, как на праздник, многочисленная публика, почетные гости (включая ректора университета Э. Д. Гримма и директора ВЖК С. К. Булича), С. Ф. Платонов произнес торжественное приветствие А. Я. Ефименко. Тем не менее вся необходимая процедура магистерского диспута была соблюдена: выступили оппоненты, диспутантка ответила на вопросы и замечания, после чего декан историко-филологического факультета Ф. А. Браун огласил единогласное решение о присуждении М. А. Островской степени магистра русской истории. «Заявление декана факультета было покрыто горячими и продолжительными аплодисментами собравшихся»[56], а представительница Комитета Общества для доставления средств ВЖК

О. К. Нечаева произнесла речь о большом значении произошедшего события для русского женского движения[57]. В. И. Семевский, подводя итог отчету о диспуте, показательно соединил научную и «гендерную» оценки: «<...> в лице г-жи Островской русская наука приобрела очень ценную силу, и полагаю, что своим трудом она принесла неизмеримо более пользы для дела женского равноправия в научной области, чем многие словоизлияния на эту тему»[58].

С осени 1914 г. М. А. Островская была принята в штат приват-доцентов Петроградского университета; в последующие годы она читала курсы и вела семинарии по темам: «Посад и черная волость московского времени», «Московская правительственная среда в XVII в.», «Течение русской исторической мысли в царствование Александра II», «Русская историография второй половины XIX в.» и др.[59] С 1915 г. Островская преподавала также в Психоневрологическом институте[60]. О содержании курсов нам ничего не известно: ни конспекты, ни рабочие материалы не сохранились, воспоминания студентов или коллег не обнаружены. При этом педагогическая работа не оставляла ей времени и сил для прежних научно-архивных занятий: с 1914 по 1922 г. Островская опубликовала только две статьи о видениях Евфимия Чакольского (№ 18–19)[61] и воспоминания своей матери об И. С. Тургеневе (№ 21)[62].

Островская по складу характера была человеком замкнутым; поддерживая деловые отношения с достаточно широким кругом историков и архивистов, в личном общении она ограничивалась семьей и двумя-тремя подругами по Бестужевским курсам[63]. В феврале 1906 г. умер ее отец А. Н. Островский, осенью того же года покончил с собой старший брат Дмитрий[64], в 1910 г. умерла мать. С 1906 г. Островская жила в доме, фактически принадлежавшем семье мужа ее старшей единоутробной сестры — Н. П. Метальниковой[65]. Здесь же жил ее младший брат Андрей, окончивший Политехнический институт и служивший по кредитной части; в начале 1920-х гг. он, вероятно, покинул Петроград.

Островская была далека от политики[66], но революционные события 1917 г. произвели существенные перемены в ее повседневной жизни. Дом был национализирован и перестал быть своеобразным «семейным гнездом». Лишилась Островская и материальной обеспеченности, ранее обусловленной наследством после смерти родителей и коммерческой успешностью Метальниковых.

В 1918 г. Островская поступила на службу в Главархив[67], в мае 1920 г. на Первой конференции архивных деятелей Петрограда она выступила с докладом «К вопросу о заголовках при описании и издании старых документов»[68]. В 1919 г. она оставила преподавание[69]. В эти годы ее существенно поддерживал С. Ф. Платонов. В 1922 г. Островская опубликовала статью в сборнике, изданном к 40-летию его научной деятельности (№ 22), а в 1923–1924 гг. — три статьи в сборниках, издававшихся руководимой им Ученой комиссией по исследованию истории труда в России (№ 23–25). Тогда же Платонов предложил Островской принять участие в редактируемой им совместно с А. Е. Пресняковым и Е. В. Тарле книжной серии «Россия и Запад в прошлом», выходившей

в издательстве «Сеятель» Е. В. Высоцкого; Островская сформулировала тему: «Оппозиция при Петре I»[70]. Однако в 1924 г. серия прекратилась. 14 апреля 1925 г. Островская была единогласно избрана научным сотрудником Государственной археографической комиссии[71]. В том же году Платонов планировал пригласить ее на работу в Библиотеку Академии наук[72]; в одном из подготовленных им списков предполагаемых сотрудников в колонке под заглавием «Мои» фамилия Островской стоит на третьем месте (на первом — Н. И. Кареев)[73]. Но этот план не осуществился.

В 1921–1925 гг. М. А. Островская была завсегдатаем «Кружка молодых историков», собиравшегося на квартире А. А. и Н. С. Штакельбергов или в Доме ученых[74]. На собраниях выступали с рефератами, обсуждали научные и общественные вопросы, литературу, театр и даже танцевали. В воспоминаниях Н. С. Штакельберг сохранился выразительный портрет Островской — едва ли не старшей и самой активной, до запальчивости, участницы дискуссий, абсолютно одинокой, а потому готовой собираться «хоть ежедневно», «в костюме времен военного коммунизма и “мальчиковых” нечищеных ботинках»[75].

Осенью 1925 г. Мария Андреевна заболела: врачи установили у нее «психическое расстройство на почве тяжелых переживаний»[76]; она была помещена в психиатрическую больницу им. И. М. Балинского[77]. Ее племянник В. Д. Метальников писал Е. П. Казанович: «<...> Я все надеялся, что в состоянии здоровья тети Маши произойдет какая-либо перемена — но до сих пор ничего нет. <...> Нас всех, маму, братьев, меня, знакомых она узнает, да что узнает, помнит и вообще разговаривает со всеми как всегда — и вдруг начинаются какие-то подозрения, странные намеки, возбужденный смех, потом слезы, а через несколько минут опять нормальна. Доктора говорят, что пока еще нельзя сказать чего-либо определенного о ее состоянии, во всяком случае, в данную минуту о выздоровлении говорить еще рано, хотя в нем они, к счастью, не сомневаются. <...>. Большим утешением является то, что содержится она в больнице <...> сравнительно очень прилично. <...> Отношение к ней со стороны всего персонала прекрасное — в высшей степени предупредительное. Видимо, ее научные заслуги хоть здесь пригодились» [78].

Надежды врачей не оправдались. В сентябре 1927 г. В. Д. Метальников в качестве назначенного Губздравом опекуна запрашивал в архиве университета справки, необходимые для дальнейшего лечения[79]. Сведений о времени и обстоятельствах смерти М. А. Островской обнаружить не удалось.

В 1929 г. началось следствие по «Академическому делу», затронувшее почти всех учителей, коллег и товарищей Островской. В ходе следствия «Кружок молодых историков» пытались представить антисоветской организацией; на допросах часто упоминалось имя М. А. Островской, но ни разу — в качестве обвиняемой или свидетельницы[80]. По-видимому, следователи знали, что она уже земным властям неподсудна.

Список научных трудов М. А. Островской[81]

1. Описание документов, поступивших в Археографическую комиссию из Вятской казенной палаты // Летопись занятий Имп. Археографической комиссии за 1905 г. 1907. Вып. 18. С. 1–51.

2. Четыре древние частные грамоты // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1908. Т. 13. Кн. 2. С. 141–148.

3. К вопросу об истории северных крестьян // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 8. Стб. 29–36.

4. Великорусские миры в XVI и XVII веках // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1910. № 13. Стб. 28–37.

5. Новый документ к вопросу о крестьянском выходе во второй половине XVI в. // Известия С.-Петербургского Политехнического института имп. Петра Великого. Отделение наук экономических и юридических. СПб., 1910. Т. 13. С. 113–117.

6. К вопросу о брожении 1650 г. // Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1911. Кн. 4 (239). Разд. 3. С. 37–41.

7. О древнерусском одиначестве // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 12. С. 1022–1029; № 15. С. 215–220.

8. Судное дело XVII в. по поводу складной записи // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете. 1911. Т. 27. Вып. 1. С. 51–60.

9. Древнерусский северный мир // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 3. С. 97–106; № 4. С. 145–156.

10. Из жизни новгородского посадского мира в XVII в. // Историческое обозрение: Сборник Исторического общества при Имп. С.-Петербургском университете. 1912. Т. 17. С. 1–11.

11. Из истории вятских инородцев // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете. 1912. Т. 28. Вып. 4/5. С. 417–447.

12. Строй русской северной деревни XVI–XVIII веков // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Ч. 42. № 12. Отд. 2. С. 273–328[82].

13. Авторский доклад о книге «Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII вв.» // Научный исторический журнал. 1913. № 1. С. 107–112.

14. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1913. X, 370, 96 с.

15. Рецензия на кн.: *Богословский М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М.: Изд. О-ва истории и древностей российских при Имп. Моск. ун-те, 1912. Т. 2 // Голос минувшего. 1913. № 2. С. 246–249.

16. Новое освещение Собора 1648–1649 г. и происхождение Уложения: [рец. на ст.: *Смирнов П. П.* О начале Уложения и Земского Собора 1648–1649 гг.

(Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 9)] // Научный исторический журнал. 1913. № 1. С. 126–129.

17. Положения, извлеченные из диссертации М. А. Островской «Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках». [СПб.]: Тип. Гл. упр. уделов, 1914. [4] с.

18. Видения 1611–1613 годов на Большой Пинеге, в Чакольском стане // Историческое обозрение: Сборник Исторического общества при Имп. С.-Петербургском университете. 1914. Т. 19. С. 21–29 2-й паг.

19. Поморские видения 1611–1613 годов // Научный исторический журнал. 1914. № 4. С. 61–75.

20. Рецензия на кн.: *Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг, собранных для Имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1913 г. // Голос минувшего. 1914. № 8. С. 234–235.

21. *Островская Н. А.* Воспоминания о Тургеневе / Предисл. и примеч. М. А. Островской // Тургеневский сборник: Новооткрытые страницы Тургенева. Неизданная переписка. Воспоминания. Библиография. Пг., 1915. С. 62–133.

22. Былые соседи // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову: «1882 — XL — 1922». Пг., 1922. С. 133–139.

23. Землепользование новгородских дворцовых крестьян в XVII веке // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 6–7. С. 161–167.

24. Ученики на петербургской полотняной фабрике в 1797–1807 гг. // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 9. С. 147–152.

25. Волость и ее закрепощение // Труд в России. Л., 1924. Сб. 2. С. 133–146.

26. К истории социальной борьбы в Новгороде XVII века // Север. Вологда, 1924. № 1 (5). С. 33–57.

[1] Имя М. А. Островской путали еще при ее жизни: см.: *Модзалевский Б. Л.* О братьях и сестрах Островского // Островский: Новые материалы. Письма, труды и дни, статьи. М.; Пг., 1924. С. 256. В справочнике: А. Н. Островский: энциклопедия. Кострома: Костромиздат; Шуя: ШГПУ, 2012 не оказалось статьи, посвященной племяннице драматурга, а разрозненные сведения о ней противоречат друг другу. Показательно, что единственная статья, специально посвященная М. А. Островской: *Тихонов И. Л., Семенова Е. С.* Первая женщина — преподаватель Санкт-Петербургского университета // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 6 (5 марта). С. 11–14, — завершается просьбой сообщить сведения о ней в Музей истории СПбГУ. Об Островской см. также: Островская Мария Андреевна // Биографика: Петербургская историческая школа (XVIII — начало XX в.): информационный ресурс: URL: https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/217-ostrovskaya-mariya-andreyevna.html (дата обращения 03.05.2021), далее: Островская (Биографика); Письма М. А. Островской С. Ф. Платонову (1906–1914 гг.) / Вступ. ст., сост., коммент. М. А. Мамонтовой, А. Г. Быковой // Мир историка: Историографический сборник. Омск, 2005. Вып. 1. С. 288–310; *Мамонтова М. А.* Первая русская женщина — магистр русской истории (подборка документов, посвященная М. А. Островской) //

Мир историка: Историографический сборник. Омск, 2008. Вып. 4. С. 449–454. К сожалению, две последние работы, привлекая заслуженный интерес к фигуре М. А. Островской, содержат ряд ошибок как в подготовке текста, так и в сопроводительных материалах. В недавних изданиях: Российские женщины-ученые: наследие. М.: Янус-К, 2017 и *Валькова О. А.* Штурмуя цитадель науки: женщины-ученые Российской империи. М.: НЛО, 2019 М. А. Островская не упоминается.

[2] Дата указана в справочной записи С. А. Венгерова, вероятно, со слов Островской (Рукописный отдел Института русской литературы («Пушкинский Дом») РАН, далее: РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2704. Л. 1). В работе: *Тихонов И. Л., Семенова Е. С.* Первая женщина — преподаватель... — указана другая дата: 24 февраля (с. 11).

[3] Биографические сведения об Андрее Островском см.: Казанское дворянство 1785–1917 гг. Казань, 2001. С. 418; *Родюкова М. В.* Татаринов Илья Петрович, Тургенев Александр Иванович, Аржевитинов Иван Семенович, Татаринов Александр Николаевич, Островский Андрей Николаевич: Фонд 596 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. СПб., 2010. С. 828–829; А. Н. Островский и его костромское окружение: биобиблиографический словарь / Авт.-сост. П. П. Резепин. СПб., 2020. С. 433–435.

[4] Островский А. Н.: некролог // Новое время. СПб., 1906. № 10742. 8 февр. С. 4 (подпись: Б. Г.); то же: Исторический вестник. 1906. Март. С. 1093.

[5] См.: *Саитов В. И.* Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 3. С. 332.

[6] *Островский А. Н.* Первые сведения о флоре Костромской губернии // Московские университетские известия. 1866–1867. № 5. С. 383–392; *Островский А. Н.* Список растений, собранных в Костромской губернии // Московские университетские известия. 1866–1867. № 5. С. 393–424. Отдельный оттиск этой работы в каталоге Российской национальной библиотеки (далее: РНБ) ошибочно приписан Александру Николаевичу Островскому.

[7] См.: *Лихачев Н. П.* Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. СПб., 1913. С. 90–92; *Аристов В. В.* Казанские находки. Казань, 1985. С. 156–160.

[8] См.: Известия Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете (далее: ИОАИЭ). Казань, 1885. Т. 4. Протоколы. С. 35; 1884. Т. 5. Протоколы. С. 33, 39–40, 45. См. также: *Сидорова И. Б.* Ученое братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931 года). Казань, 2014. Ч. 1. С. 97, 124, 127, 152, 262.

[9] Духовная Василия Никитича Татищева / Изд. под наблюдением чл. Казан. О-ва археологии, истории и этнографии А. Островского // ИОАИЭ. 1885. Т. 4. Приложения.

[10] Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (далее: БАН) 32.14.10 (291 л.).

[11] В настоящее время хранится в РО ИРЛИ. Ф. 596: 105 ед. хр. См.: *Родюкова М. В.* Татаринов Илья Петрович... С. 827–830. Письма М. А. Островской А. А. Шахматову по поводу пожертвования материалов отца см.: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее: СПФ АРАН). Ф. 134. Оп. 3. № 1100. Л. 1–3, 9.

[12] См.: *Егоров Б. Ф.* Лекции Добролюбова о русской литературе: «Конспекты» Н. А. Татариновой (1857 г.) // Литературное наследство. Т. 67: Революционные демократы: новые материалы. М., 1959. С. 224–258; *Фридкина И. С.* Письма М. Н. Островского к Островскому // Литературное наследство. Т. 88: А. Н. Островский. Новые материалы и исследования. М., 1974. Кн. 1. С. 220–221, 225.

[13] При жизни автора фрагменты воспоминаний публиковались в казанской газете «Волжский вестник»: о Н. А. Добролюбове (в 1893 г.) и об И. С. Тургеневе (в 1884 и 1885 гг.). В советское время оба эти фрагмента включались в сборники, соответственно «Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников» (Л., 1961; М., 1986) и «И. С. Тургенев в воспоминаниях современников» (М., 1969; М., 1983). Архив Н. А. Островской после ее смерти перешел к семье ее старшей дочери Н. П. Метальниковой; в настоящее время хранится в Российском гос. архиве литературы и искусства: РГАЛИ. Ф. 496 (122 ед.).

[14] Евлалия Павловна Казанович (1885–1942), литературовед, выпускница ВЖК (1913), одна из первых сотрудниц Пушкинского Дома (с 1911 по 1929 г.).

[15] Е. П. Казанович в дневнике приводит суждения Островской о произведениях Шекспира, Фета, о преподавании литературы в гимназиях; упоминает о совместном чтении «Житейских воззрений кота Мурра» Э. Т. А. Гофмана и «Мельницы на Флоссе» Джордж Эллиот. Записывая впечатления от знакомства с поэтом Ю. Н. Верховским, читавшим ей свои стихи и стихи В. В. Бородаевского, Казанович сокрушается, что не была знакома с их творчеством: «<...> Вот Маша, та, наверное, знает и Бородаевского и Верховского <...>» (Отдел рукописей РНБ, далее: ОР РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 109 об.; запись от 9 сент. 1922 г.; далее: Дневник Казанович).

[16] См.: Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918: Сборник статей. 2-е изд. Л.: ЛГУ, 1973.

[17] Сведения о преподавании на ВЖК почерпнуты нами из ежегодных отчетов Комитета Общества для доставления средств Высшим женским курсам, далее: Отчет ВЖК с указанием отчетного года и года издания.

[18] Круг научных связей М. А. Островской выявлен по упоминаниям в ее работах, в первую очередь — по списку благодарностей в предисловии к диссертации (см. Список научных трудов М. А. Островской в конце статьи. № 14. С. VIII–X), а также по сохранившимся письмам к А. А. Шахматову (СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. № 1100), С. Ф. Платонову (см. ниже), С. А. Венгерову (РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 1679), А. С. Лаппо-Данилевскому (СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. № 273), Э. Л. Радлову (РО ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. № 1154). Кроме того, в процессе подготовки статьи авторами были просмотрены работы Островской в петербургских библиотеках (РНБ, основной фонд БАН, отдел БАН при СПбИИ, СПбГУ, включая Библиотеку Бестужевских курсов) и выявлено 66 экземпляров изданий, содержащих 44 дарственные записи 15 адресатам.

[19] См.: Дневник Казанович. № 17. Л. 18 об. — 23; № 18. Л. 35 об. — 44.

[20] В некоторых источниках (в том числе в каталоге РНБ) М. А. Островской приписывается авторство книги: Валаам / М. Островская. СПб.: СПб. о-во грамотности, 1907. Сама Островская в 1925 г. не включила эту работу в список своих трудов (см.: Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 гг. Л., 1926. Вып. 33. С. 48–49); содержание и стиль книги резко отличаются от всего ею написанного.

[21] Здесь и далее при упоминании работ М. А. Островской в скобках дается соответствующий номер по списку ее научных трудов, помещенному в конце данной статьи. Работа была опубликована в Летописи занятий Имп. Археографической комиссии за 1905 г.; отзыв о ней А. С. Лаппо-Данилевского в письме редактору тома В. Г. Дружинину см.: *Мамонтова М. А.* Первая русская женщина... С. 452 -453.

[22] См.: Рефераты, читанные в заседаниях Исторического общества за 1890–1914 гг. // Историческое обозрение: Сборник Исторического Общества при Имп. Петроградском университете. 1915. Т. 20. С. 209.

[23] Дневник Казанович. № 17. Л. 103 — 103 об.

[24] См. письмо М. А. Островской к С. Ф. Платонову от 4 февр. 1908 г. (ОР РНБ. Ф. 585. № 3741. Л. 8 — 8 об., далее: Письма к Платонову).

[25] См.: Отчет ВЖК за 1906–1907 гг. 1908. С. 138, 150; см. также: письмо И. И. Лапшина С. Ф. Платонову от начала февр. 1907 г. (ОР РНБ. Ф. 585. № 3350. Л. 4–5).

[26] См.: Отчет ВЖК за 1909–1910 гг. 1911. С. 116–117; Письма к Платонову. Л. 9–10 (8 февр. 1908 г.); л. 15 — 15 об. (9 февр. 1908 г.); л. 16 — 16 об. (22 февр. 1908 г.).

[27] См.: Отчет ВЖК за 1909–1910 гг. 1911. С. 204; Список профессоров и преподавателей Историко-филологического факультета Имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. Пг., [1916]. С. 38–39.

[28] См.: Отчет о состоянии и деятельности Имп. С.-Петербургского университета за 1910 г. СПб., 1911. С. 106; Список профессоров и преподавателей... С. 38–39; Письма к Платонову. Л. 26 (5 мая 1910 г.)

[29] Согласно университетскому уставу, приват-доцентами могли стать «лица, выдержавшие испытания на степень магистра, но еще не защитившие диссертации» (их называли магистрантами), «по получении от одного из университетов свидетельства на право

преподавания в звании приват-доцента»; свидетельство это давалось «на основании двух пробных чтений» (т. е. лекций); при этом оговаривалось, что «лица этой категории не могут быть приват-доцентами ранее трех лет после окончания университетского курса». См.: Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских университетов [1884] // Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Собр. 3-е. СПб., 1887. Т. 4. № 2404. С. 470.

30 См.: *Тихонов И. Л., Семенова Е. С.* Первая женщина — преподаватель... С. 12.

31 Примечательна формулировка: «Предложение магистрантки М. А. Островской — безвозмездно вести практические занятия по русской истории — отклонено ввиду принципиальных неудобств такого способа расширения преподавания по основным научным дисциплинам» (Протокол заседания Историко-филологического факультета 9 дек. 1911 г. // Отчет ВЖК за 1911–1912 г. 1913. С. 194). См. также: Письма к Платонову. Л. 27–28 (1 дек. 1910 г.); л. 30 — 30 об. (27 марта 1911 г.).

32 См.: ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1914. Т. 31. № 36226.

33 См.: Дневник Казанович. № 17. Л. 103 об.

34 См.: Там же. Л. 111 — 111 об.

35 См.: Отчет о состоянии... университета за 1914 г. С. 245.

36 Там же. С. 192; Список профессоров и преподавателей... С. 38–39.

37 Не предлагая сравнивать слишком разные человеческие судьбы и научные карьеры, отметим, что практически одновременно с Островской готовилась к защите магистерской диссертации О. А. Добиаш-Рождественская (1874–1939). Пользуясь деятельной поддержкой своего руководителя И. М. Гревса, она в 1907 г. получила статус оставленной при ВЖК, была принята в штат преподавателей для ведения практических занятий; в мае 1908 г. получила от ВЖК необходимые рекомендации для допуска к сдаче магистерских экзаменов при университете, в 1908–1911 гг. находилась в научной командировке за границей; магистерскую диссертацию защитила 25 апреля 1915 г.

38 Письма к Платонову. Л. 18 (27 февр. 1908 г.).

39 Отчет ВЖК за 1903–1904 гг. 1905. С. 81.

40 В этом отношении он был не одинок. Так, в январе 1906 г. при обсуждении нового устава ВЖК М. И. Ростовцев, говоря о несоответствии курсового уровня образования университетским требованиям, высказался вполне категорично: «На Высших женских курсах достижение в ближайшем будущем всех намеченных условий <...> крайне затруднительно» (Отчет ВЖК за 1905–1906 гг. 1907. С. 110).

41 ОР РНБ. Ф. 585. № 1782. Л. 1 об. (черновик).

42 Ср.: «<...> если для Вас бесповоротно лучше прекратить отношения, — я, конечно, их прекращу» (Письма к Платонову. Л. 17–18; 27 февр. 1908 г.); ср. также: «Конечно, я уволю Вас от отношений, которые Вас тяготят. Позвольте поблагодарить Вас за то, что от Вас получила, и распроститься» (Письма к Платонову. Л. 21; 29 февр. 1908 г.).

43 Например, в библиотеке СПбИИ хранится оттиск ее статьи (№ 6), отправленный в подарок Н. П. Лихачеву по почте.

44 Свидетельством некоторой растерянности молодого исследователя перед самостоятельной работой может служить такой факт. В архиве А. А. Шахматова сохранилась рукопись статьи М. А. Островской «Приписки на полях лицевых летописей» (СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 2. № 72. Л. 1–12), предложенной ею, судя по помете на обложке, для напечатания в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук» (статья и помета не датированы; относятся, вероятно, к 1906–1907 гг.). Работа выполнена очень добросовестно, но по содержанию не выходит за рамки студенческого реферата. По-видимому, А. А. Шахматов сумел тактично объяснить это Островской; публикация не состоялась. Авторы благодарны заведующему сектором Отдела рукописей РНБ д-ру филол. наук М. А. Шибаеву за консультацию по этому вопросу. Сходный случай неадекватной оценки собственного научного потенциала произошел весной 1906 г., когда Островская предложила Археографической комиссии свои услуги в качестве руководителя издания актов Олонецкой казенной палаты. Этот «промах» уладился после того, как Островская

«напрямки переговорила» с В. Г. Дружининым (Письма к Платонову. Л. 4–6). Отметим, что среди выявленных нами 44 дарственных записей Островской наибольшее количество (14) на изданиях 1907–1924 гг. были адресованы именно В. Г. Дружинину.

[45] Ср.: «<...> у каждого, к кому я обратилась бы, возник бы молчаливый (а то и не молчаливый) вопрос, почему я не имею дела с профессором, с которым я имела дело на курсах» (Письма к Платонову. Л. 21 об.; 29 февр. 1908 г.).

[46] См.: *Платонов С. Ф.* Александра Яковлевна Ефименко: Некролог // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 617–620; см. также: *Капелер А.* Самоучка, жінка, кацапка: Олександра Єфименко та Київська історична школа // Україна Модерна. Київ, 2010. С. 46–76.

[47] См. письмо директора ВЖК В. А. Фаусека к С. Ф. Платонову от 26 мая 1907 г.: ОР РНБ. Ф. 585. № 4441. Л. 3. Формально А. Я. Ефименко пользовалась званием «домашней учительницы» и не могла претендовать на чтение лекций.

[48] Участие С. Ф. Платонова можно проследить по сохранившимся письмам к нему А. Я. Ефименко (ОР РНБ. Ф. 585. № 2891. Л. 11–14), историка В. М. Саввы (ОР РНБ. Ф. 585. № 4082. Л. 9–11), ректора Харьковского университета историка Д. И. Багалея (ОР РНБ. Ф. 585. № 2180. Л. 2–3) и Платонова к Багалею (ОР РНБ. Ф. 585. № 1707. Л. 1).

[49] № 14. С. VIII–IX.

[50] № 22. С. 133.

[51] *Райский М.* Первая русская женщина — магистр русской истории // Петербургская газета. 1914. № 74. 17 марта. С. 2.

[52] Наиболее активно Островская использовала документы, хранившиеся в Публичной библиотеке и Археографической комиссии, московских Синодальной библиотеке и архиве Министерства иностранных дел, Архангельском епархиальном древлехранилище и др. (№ 14. С. VII–VIII).

[53] ОР РНБ. Ф. 585. № 1465. Л. 1.

[54] См.: СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1913. № 29. VII соискание премий им. т. с. М. Н. Ахматова по Историко-филологическому отделению в 1915 г.

[55] Там же. С. 128–129. Публикация: Отзыв А. Е. Преснякова о труде М. А. Островской / Публ. В. В. Митрофанова // Клио. 2008. № 1. С. 14–19, — содержит ряд ошибок.

[56] *Щеголев П. Е.* Защита диссертации М. А. Островской // День. 1914. № 74. 17 марта. С. 2.

[57] Там же.

[58] *Семевский В. И.* Диспут М. А. Островской // Голос минувшего. 1914. № 4. С. 295.

[59] См.: Островская (Биографика). Хронологическое расширение исследовательского интереса не было неожиданным; еще в 1907 г. Островская писала Платонову о том, что «обращалась к Семевскому с библиографическими справками по александровской эпохе, когда одно время задалась неразумным намерением погнаться за двумя зайцами (конечно, я потом предпочла остаться при одном зайце)» (Письма к Платонову. Л. 13 об.).

[60] См.: Весь Петроград на 1915 г. Пг., 1915. 1-й отд. Стб. 421. В ряде источников указывается, что Островская преподавала также и на ВЖК (например, Санкт-Петербургские Высшие... курсы. С. 89). Нам не удалось обнаружить документального подтверждения этих сведений.

[61] О значении этих работ см.: Видения Евфимия Чакольского 1611–1614 гг. / Подгот. текста, пер. и коммент. Н. В. Савельевой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 14. С. 706; см. также: *Буланин Д. М., Савельева Н. В.* Видения Евфимия Чакольского 1611–1614 гг. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 340–344.

[62] В современной литературе установилось пренебрежительное отношение к этой публикации как к лишающей самобытности оригинальный текст, дополненной фрагментами, «написанными самим публикатором» (см.: *Фридлянд В. Г.* Комментарии // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. Т. 2. С. 440). Учитывая археографическую квалификацию М. А. Островской, мы едва ли можем допустить произвольность сделанных ею дополнений (в любом случае, на наш взгляд, основанных если не на неизвестных черновых вариантах, то на устных рассказах матери).

[63] Кроме неоднократно упоминавшейся выше Е. П. Казанович, следует назвать Ольгу Спиридоновну Эльманович (1886–?) и Софию Семеновну Венгерову (1885–1920). См.: Дневник Казанович. № 17. Л. 111 об.

[64] См.: Отчет университетского врача (П. А. Добрадина) // Отчет о состоянии... университета за 1906 г. С. 180–181; см. также: *Саитов В. И.* Петербургский некрополь. Т. 3. СПб., 1912. С. 332.

[65] Дом на углу Соляного пер. (№ 16) и ул. Пантелеймоновской (теперь Пестеля; № 4); кв. 17. См: *Барышников М. Н.* Метальниковы: семейный бизнес и развитие промышленных операций Петербургского частного коммерческого банка // Финансы и бизнес. 2016. № 1. С. 157–175.

[66] Е. П. Казанович однажды вскользь упоминает о «симпатиях» Островской «к эс-дечеству» (Дневник Казанович. № 17. Л. 42; запись от 4 дек. 1911 г.), Н. С. Штакельберг упоминает ее близость к кадетам (*Штакельберг Н. С.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In memoriam: исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. СПб., 1995. С. 42); другими сведениями о политических пристрастиях и тем более активности Островской мы не располагаем.

[67] Главное управление архивным делом Единого государственного архивного фонда; с 1922 г. — Центрархив, Петроградское отделение. Островская работала в V (историко-экономической) секции. См.: Наука в России: справочный ежегодник. [Вып. 3]: Научные работники Петрограда. М.; Пг., 1923. С. 90; Весь Петроград: 1922 г. Пг., [1922]. Стб. 643; Весь Ленинград на 1924 г. Л., 1924. С. 138.

[68] *Аннинский С. А.* Первая конференция архивных деятелей Петрограда. 25–28 мая 1920 г. // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 378.

[69] Возможно, это было связано с выходом 1 октября 1918 г. декрета, отменявшего дореволюционные научные степени и устанавливавшего новый порядок замещения преподавательских должностей в вузах (см.: Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. № 215).

[70] Письма к Платонову. Л. 31–32 (письмо не датировано).

[71] См.: Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы. С. 48–49, 64; Наука и научные работники СССР. Ч. 2: Научные учреждения Ленинграда. Л., 1926. С. 35. Председателем Археографической комиссии в эти годы был С. Ф. Платонов.

[72] С. Ф. Платонов с августа 1925 г. — директор БАН.

[73] ОР РНБ. Ф. 585. № 747. Л. 7.

[74] См.: *Штакельберг Н. С.* «Кружок молодых историков»... С. 19–86.

[75] Там же. С. 34, 37–41.

[76] Выражение из письма В. Д. Метальникова к Е. П. Казанович (ОР РНБ. Ф. 326. № 266. Л. 1 об., далее: Письмо Метальникова).

[77] Больница располагалась в д. 58 по 5-й линии Васильевского острова; существовала с 1860-х гг. как частная психиатрическая клиника. В разное время в ней лечились В. М. Гаршин, Г. И. Успенский, М. А. Врубель. В начале 1920-х гг. в клинике работали психиатры А. В. Тарле (брат историка) и М. А. Немировский, последний в письме В. Д. Метальникова назван лечащим врачом Островской; кроме того, в письме упомянута консультация с неким «Петром Алекс.» — вероятно, имеется в виду известный психиатр П. А. Останков.

[78] Письмо Метальникова. Л. 1–2.

[79] См.: *Тихонов И. Л., Семенова Е. С.* Первая женщина — преподаватель... С. 14.

[80] См.: *Штакельберг Н. С.* «Кружок молодых историков»... С. 45 и след.

[81] Составлен на основе списка трудов, представленного М. А. Островской в 1925 г. при избрании ее сотрудником Гос. Археографической комиссии (см.: Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы. С. 48–49); № 13, 15–17, 20 и 21 добавлены нами. Описания работ уточнены de visu. Сведения расположены в хронологическом порядке.

[82] Статья представляет собой сокращенный вариант первой главы диссертации М. А. Островской (№ 14). См.: № 14. С. IX.

References

ANNINSKIY S. A. Pervaya konferentsiya arkhivnykh deyateley Petrograda. 25–28 maya 1920 g. [The first conference of Petrograd archivists. May 25–28, 1920. In Russ.] // Dela i dni. 1920. Kn. 1. S. 372–384.

ARISTOV V. V. Kazanskiye nakhodki [Kazan finds. In Russ.]. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1985.

BARYSHNIKOV M. N. Metal'nikovy: semeynyy biznes i razvitiye promyshlennykh operatsiy Peterburgskogo chastnogo kommercheskogo banka [Metalnikovs: a family business and the development of industrial operations of the St. Petersburg private commercial bank. In Russ.] // Finansy i biznes. 2016. N 1. S. 157–175.

BULANIN D. M., SAVEL'YEVA N. V. Videniya Yevfimiya Chakol'skogo 1611–1614 gg. [Visions of Yevfimiy Chakolsky, 1611–1614. In Russ.] // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. St. Petersburg, 2004. Vyp. 3. Ch. 4. S. 340–344.

Dekrety Sovetskoy vlasti [Decrees of the Soviet government. In Russ.]. Moscow, 1964. T. 3.

Dukhovnaya Vasiliya Nikiticha Tatishcheva [Vasily Nikitich Tatishchev's spiritual testament. In Russ.] / Izd. pod nablyudeniyem chl. Kazan. O-va arkheologii, istorii i etnografii A. Ostrovskogo // Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imp. Kazanskom universitete. 1885. T. 4. Prilozheniya. XIV, 39 s.

FRIDKINA I. S. Pis'ma M. N. Ostrovskogo k Ostrovskomu [M. N. Ostrovsky's letters to A. N. Ostrovsky. In Russ.] // Literaturnoye nasledstvo. T. 88: A. N. Ostrovskiy. Novyye materialy i issledovaniya. Moscow, 1974. Kn. 1. S. 219–274.

FRIDLYAND V. G. Kommentarii [Comments. In Russ.] // I. S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov. Moscow, 1983. T. 2. S. 429–510.

Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imp. Kazanskom universitete [Reports of the Society of Archeology, History and Ethnography of the Imp. Kazan University. In Russ.]. Kazan', 1885. T. 4; 1884. T. 5.

KAPELER A. Samouchka, zhinka, katsapka: Oleksandra Yefymenko ta Kyyivs'ka istorychna shkola [Self-taught, woman, "Russian": Oleksandra Efimenko and Kyiv Historical School. In Ukr.] // Ukrayina Moderna. Kyyiv, 2010. S. 46–76.

Kazanskoye dvoryanstvo 1785–1917 gg. [Kazan nobility 1785–1917. In Russ.]. Kazan': Gasyr, 2001.

Letopis' zanyatiy Arkheograficheskoy komissii za 1923–1925 gg. [Chronicle of the studies of the Archaeographic Commission for 1923–1925. In Russ.]. Leningrad, 1926. Vyp. 33.

LIKHACHEV N. P. Genealogicheskaya istoriya odnoy pomeshchich'yey biblioteki [Genealogical history of a landlord's library. In Russ.]. St. Petersburg, 1913.

MAMONTOVA M. A. Pervaya russkaya zhenshchina – magistr russkoy istorii (podborka dokumentov, posvyashchennaya M. A. Ostrovskoy) [The first Russian woman to earn a master's degree in Russian history (a selection of documents related to M. A. Ostrovskaya). In Russ.] // Mir istorika: Istoriograficheskiy sbornik. Omsk, 2008. Vyp. 4. S. 449–454.

MODZALEVSKIY B. L. O brat'yakh i sestrakh Ostrovskogo [About Ostrovsky's brothers and sisters. In Russ.] // Ostrovskiy: Novyye materialy. Pis'ma, trudy i dni, stat'i. Moscow; Petrograd, 1924. S. 244–296.

Nauka i nauchnyye rabotniki SSSR. Ch. 2: Nauchnyye uchrezhdeniya Leningrada [Science and scientists of the USSR. P. 2: Scientific institutions of Leningrad. In Russ.]. Leningrad, 1926.

Nauka v Rossii: spravochnyy yezhegodnik. [Vyp. 3]: Nauchnyye rabotniki Petrograda [Science in Russia: a reference yearbook. [Issue 3]: Scientists of Petrograd. In Russ.]. Moscow; Petrograd, 1923.

Ostrovskaya Mariya Andreyevna [Maria Andreevna Ostrovskaya. In Russ.] // Biografika: Peterburgskaya istoricheskaya shkola (XVIII – nachalo XX v.). URL: https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/217-ostrovskaya-mariya-andreyevna.html (date of access 03.05.2021).

OSTROVSKAYA N. A. Iz vospominaniy ob I. S. Turgeneve [From the memoirs on I. S. Turgenev. In Russ.] // I. S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov. Moscow, 1983. T. 2. S. 57–95.

OSTROVSKIY A. N. Pervyye svedeniya o flore Kostromskoy gubernii [Preliminary report about the flora of the Kostroma province. In Russ.] // Moskovskiye universitetskiye izvestiya. 1866–1867. N 5. S. 383–392.

OSTROVSKIY A. N. Spisok rasteniy, sobrannykh v Kostromskoy gubernii [List of plants collected in the Kostroma province. In Russ.] // Moskovskiye universitetskiye izvestiya. 1866–1867. N 5. S. 393–424.

Ostrovskiy A. N.: nekrolog [Ostrovsky A. N.: obituary. In Russ.] // Novoye vremya. St. Petersburg, 1906. 8 fevr. (N 10742). S. 4 (podpis': B. G.); Istoricheskiy vestnik. 1906. Mart. S. 1093.

A. N. Ostrovskiy: entsiklopediya [A. N. Ostrovsky: encyclopedia. In Russ.]. Kostroma: Kostromizdat; Shuya: SHGPU, 2012.

A. N. Ostrovskiy i yego kostromskoye okruzheniye: biobibliograficheskiy slovar' [A. N. Ostrovsky and his Kostroma environment: a biobibliographic dictionary. In Russ.] / Avt.-sost. P. P. Rezepin. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2020.

Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Imp. S.-Peterburgskogo universiteta za 1906 g. St. Petersburg, 1907; 1910 g. 1911; 1914 g. 1915 [Status and activity report of Imp. St. Petersburg University for 1906. St. Petersburg. 1907; the same for 1910. 1911; the same for 1914. 1915. In Russ.].

Otzyv A. Ye. Presnyakova o trude M. A. Ostrovskoy [A. E. Presnyakov's review of the work of M. A. Ostrovskaya. In Russ.] / Publ. V. V. Mitrofanova // Klio. 2008. N 1. S. 14–19.

Pis'ma M. A. Ostrovskoy S. F. Platonovu (1906–1914 gg.) [Letters from M. A. Ostrovskaya to S. F. Platonov (1906–1914). In Russ.] / Vstup. st., sost., komment. M. A. Mamontovoy, A. G. Bykovoy // Mir istorika: Istoriograficheskiy sbornik. Omsk, 2005. Vyp. 1. S. 290–312.

PLATONOV S. F. Aleksandra Yakovlevna Yefimenko: Nekrolog [Alexandra Yakovlevna Efimenko: Obituary. In Russ.] // Dela i dni. 1920. Kn. 1. S. 617–620.

Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 3. St. Petersburg, 1887. T. 4; 1914. T. 31. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. St. Petersburg, 1887. T. 4; the same 1914. Vol. 31. In Russ.].

RAYSKIY M. Pervaya russkaya zhenshchina – magistr russkoy istorii [The first Russian woman to earn a master's degree in Russian history. In Russ.] // Peterburgskaya gazeta. 1914. 17 marta (N 74). S. 2.

Referaty, chitannyye v zasedaniyakh Istoricheskogo obshchestva za 1890–1914 gg. [Papers delivered at meetings of the Historical Society for 1890–1914. In Russ.] // Istoricheskoye obozreniye: Sbornik Istoricheskogo Obshchestva pri Imp. Petrogradskom universitete. 1915. T. 20. S. 201–214.

RODYUKOVA M. V. Tatarinov Il'ya Petrovich, Turgenev Aleksandr Ivanovich, Arzhevitinov Ivan Semenovich, Tatarinov Aleksandr Nikolayevich, Ostrovskiy Andrey Nikolayevich: Fond 596 [In Russ.] // Yezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2007–2008 gg. St. Petersburg, 2010. S. 827–830.

SAITOV V. I. Peterburgskiy nekropol' [Petersburg necropolis. In Russ.]. St. Petersburg, 1912. T. 3.

Sankt-Peterburgskiye Vysshiye zhenskiye (Bestuzhevskiye) kursy. 1878–1918: sbornik statey [St. Petersburg Higher Women's (Bestuzhev) Courses. 1878–1918: collection of papers. In Russ.]. 2 izd. Leningrad: LGU, 1973.

S.-Peterburgskiye Vysshiye zhenskiye kursy. Otchet Komiteta Obshchestva dlya dostavleniya sredstv Vysshim zhenskim kursam za 1903–1904 gg. St. Petersburg, 1905; 1905–1906 gg. 1907; 1906–1907gg. 1908; 1909–1910 gg. 1911; 1911–1912 gg. 1913. [St. Petersburg Higher Courses for Women. Report of the Society's Committee for the Delivery of Funds to the Higher Courses for Women, 1903–1904. St. Petersburg, 1905; the same for 1905–1906. 1907; the same for 1906–1907. 1908; the same for 1909–1910. 1911; the same for 1911–1912. 1913. In Russ.].

SEMEVSKIY V. I. Disput M. A. Ostrovskoy [M. A. Ostrovskaya's dispute. In Russ.] // Golos minuvshego. 1914. N 4. S. 295.

SHCHEGOLEV P. YE. Zashchita dissertatsii M. A. Ostrovskoy [M. A. Ostrovskaya's thesis defense. In Russ.] // Den'. 1914. 17 marta (N 74). S. 2.

SHTAKEL'BERG N. S. "Kruzhok molodykh istorikov" i "Akademicheskoye delo" ["Group of Young Historians" and "Academic Case". In Russ.] // In memoriam: istoricheskiy sbornik pamyati F. F. Perchenka. St. Petersburg, 1995. S. 19- 86.

SIDOROVA I. B. Uchenoye bratstvo: Obshchestvo arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (1878–1931 goda) [Academic brotherhood: Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University (1878–1931). In Russ.]. Kazan': In-t arkheologii AN RT, 2014. Ch. 1.

Spisok professorov i prepodavateley Istoriko-filologicheskogo fakul'teta Imp. byvshego Peterburgskogo, nyne Petrogradskogo universiteta s 1819 goda. [List of professors and teachers of the History and Philology Departement of Imp. former Petersburg, now Petrograd University since 1819. In Russ.] Petrograd, [1916].

TATARINOVA-OSTROVSKAYA N. A. Vospominaniya [Memories. In Russ.] // N. A. Dobrolyubov v vospominaniyakh sovremennikov. Moscow, 1986. S. 237–254.

TIKHONOV I. L., SEMENOVA YE. S. Pervaya zhenshchina – prepodavatel' Sankt-Peterburgskogo universiteta [First female teacher at St. Petersburg University. In Russ.] // Sankt-Peterburgskiy universitet. 2004. 5 marta (N 6). S. 11–14.

Ves' Leningrad na 1924 g. [All Leningrad in 1924. In Russ.]. Leningrad, 1924.

Ves' Petrograd na 1915 g. Petrograd, 1915; 1922 g. [1922]. [All Petrograd for 1915; the same for 1922. In Russ.].

Videniya Yevfimiya Chakol'skogo 1611–1614 gg. [Visions of Yevfimiy Chakolsky, 1611–1614. In Russ.] / Podgot. teksta, per. i komment. N. V. Savel'yevoy // Biblioteka literatury Drevney Rusi. St. Petersburg, 2006. T. 14. S. 220–237, 706- 710.

YEGOROV B. F. Lektsii Dobrolyubova o russkoy literature: "Konspekty" N. A. Tatarinovoy (1857 g.) [Dobrolyubov's lectures on Russian literature: "Notes" by N. A. Tatarinova (1857). In Russ.] // Literaturnoye nasledstvo. T. 67: Revolyutsionnyye demokraty: novyye materialy. Moscow, 1959. S. 224–258.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. В. Востриков, Е. З. Панченко. Историк Мария Андреевна Островская // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3. С. 191–209

Аннотация: В статье впервые собраны факты личной и научной биографии историка Марии Андреевны Островской, первой женщины-магистра русской истории и первой женщины-преподавателя Санкт-Петербургского университета. Представлены сведения о ее семье, учебе на Высших женских (Бестужевских) курсах, научных контактах, круге общения. Подробно описаны обстоятельства борьбы М. А. Островской за получение магистерской степени и защиты ее диссертации «Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках». Особое внимание уделено истории ее взаимоотношений с С. Ф. Платоновым и А. Я. Ефименко. Использовано значительное количество архивных документов. Впервые публикуется портрет М. А. Островской. Составлена библиография ее трудов.

Ключевые слова: М. А. Островская, Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы, Санкт-Петербургский университет, женщины-историки, историография, крестьянство, Русский Север.

FOR CITATION

A. V. Vostrikov, E. Z. Panchenko. Historian Maria Andreyevna Ostrovskaya // Petersburg historical journal, no. 3, 2021, pp. 191–209

Abstract: This article brings together for the first time both personal and scholarly biographical data about the historian Maria Andreevna Ostrovskaya, the first woman to earn a master's degree in Russian history and the first woman hired as an instructor at St. Petersburg University. It presents information about her family, her studies at the Higher Women's (Bestuzhev) courses, her scholarly contacts, and her social circle. It details the circumstances of Ostrovskaya's struggle to obtain a master's degree and describes the defense of her thesis, "Agrarian Life in the Rural Population of Northern Russia in the Sixteenth Through the Eighteenth Centuries". It pays special attention to the history of her relationships with Sergey Platonov and Alexandra Efimenko. Sources include a significant number of archival documents. Ostrovskaya's portrait is published here for the first time. There is also a bibliography of her works.

Key words: Maria Andreevna Ostrovskaya, the St. Petersburg Higher Women's (Bestuzhev) Courses, St. Petersburg University, women historians, the historiography of the peasantry in northern Russia.

Автор: **Востриков, Алексей Викторович** – заведующий сектором «Библиотека Бестужевских курсов» Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Author: **Vostrikov, Alexey Viktorovich** – Head of the Bestuzhev Courses Library, St. Petersburg State University Library.

E-mail: bestuzhevka@gmail.com

Автор: **Панченко, Елена Залковна** – главный библиограф отдела БАН при Санкт-Петербургском институте истории РАН.

Author: **Panchenko, Elena Zalkovna** – chief bibliographer, the division of the Library of the Academy of Sciences at St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: elenazpan@yahoo.com